

Махмудов Хаджимурат Ахмадуевич

ВОЗМОЖНОСТЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВАРСКИХ ПЕЙОРАТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ)

В статье рассматриваются аварские пейоративы с точки зрения возможности их классификации-систематизации. Исследуется точка зрения, согласно которой задействие пейоративных конструкций в речи обусловлено актуализацией психологической закономерности к порождению все новых эмоций, которые нуждаются в языковом выражении. Выдвинуто предположение, что существует возможность отличия эмосем в исходных лексемах аварского языка и градация значений в паре "фразеологическая единица - фразеологическая структура". Рассмотрены случаи приобретения негативно-оценочной коннотации эмотивно нейтральными лексемами при включении их во фразеологические единицы.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/37.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 6 (36): в 2-х ч. Ч. II. С. 138-141. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/6-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

13. **Сюй Сяньсюй.** История современной советской романистики. Шанхай: Шанхайское издательство иностранных языков и образования, 1991. 478 с.
14. **Сюй Чжэнья.** Растерянность и осознание в пожаре – о новой повести В. Г. Распутина «Пожар» // Современная советская литература. 1987. № 1. С. 138-142.
15. **Цянь Шаньсин.** Эволюция современных советских романов – основные тенденции, школы и др. Пекин: Общественные науки и архивные документы, 1994. 246 с.
16. **Чжан Цзе.** Русский писатель: вчера и сегодня. Пекин: Издательство Китайской федерации литературных и художественных деятелей, 2000. 257 с.
17. **Чжоу Чжэньмэй.** Нравственный поиск В. Г. Распутина // Литература, история и философия. 1991. № 4. С. 87-92.
18. **Чэнь Цзяньхуа.** История исследования русской и советской литературы в Китае: в 4-х т. Чунцин, 2007. Т. 1. 1708 с.
19. **Чэнь Цзяньхуа.** Различный пейзаж и различный менталитет – русская литература в 1990-х // Исследование России. 2003. № 2. С. 72-78.
20. **Ши Гуосюн.** Предисловие // Распутин В. Г. Прощание с Матерой / пер. с рус. Дун Лиу. Пекин: Издательство зарубежной литературы, 1999. С. 1-9.
21. **Ши Наньчжэн.** В. Г. Распутин // Советские современные писатели: сб. статей. Пекин: Издательство преподавания и исследования иностранных языков, 1982. С. 136-160.
22. **Ши Наньчжэн.** В. Г. Распутин и его первое знаменитое произведение // Советская литература и искусство. 1981. № 3. С. 46-47.
23. **Юй Ичжун.** Как «нас» читают в Китае? // Литературная газета. 1996. 3 июля.
24. **Юй Ичжун.** Новое развитие русской литературы в первой половине 1990 г. // Современная зарубежная литература. 1995. № 4. С. 70-77.
25. **Ян Гуанхуа.** Исследование образов творчества В. Г. Распутина – поиск русского национального характера: дисс. ... д. филол. н. Пекин, 2003. 88 с.
26. <http://chn.rs.gov.ru/ru/node/1045> (дата обращения: 10.04.2014).
27. http://www.slovo.isu.ru/conf_china.html (дата обращения: 10.04.2014).

THE PERCEPTION AND STUDY OF V. G. RASPUTIN'S CREATIVITY IN CHINA

Ma Syaodi

Lomonosov Moscow State University
maxiaodi@mail.ru

The article is devoted to the study and perception of V. G. Rasputin's works in China. The review of critical works of the 1980-2000s is presented. Main aspects of the creativity of the Russian writer, a classic of the Russian literature of the XX century, which attract attention of Chinese researchers, are revealed. Main positions of criticism, study of literature and new tendencies are considered. The author notes creative interaction of Chinese writers and V. G. Rasputin and ideological and artistic closeness. The analysis of the material allows drawing a conclusion about the topicality for Chinese readers of the problems raised by the Russian writer and about invariable and interested attention of criticism and study of literature.

Key words and phrases: V. G. Rasputin's creativity in China; criticism; realistic tradition; spiritual-moral problematic; Russian national character.

УДК 81.115

Филологические науки

В статье рассматриваются аварские пейоративы с точки зрения возможности их классификации-систематизации. Исследуется точка зрения, согласно которой задействие пейоративных конструкций в речи обусловлено актуализацией психологической закономерности к порождению все новых эмоций, которые нуждаются в языковом выражении. Выдвинуто предположение, что существует возможность отличия эмосем в исходных лексемах аварского языка и градация значений в паре «фразеологическая единица – фразеологическая структура». Рассмотрены случаи приобретения негативно-оценочной коннотации эмотивно нейтральными лексемами при включении их во фразеологические единицы.

Ключевые слова и фразы: сравнительно-сопоставительное языкознание; негативная оценочность; пейоративы; фразеологические единицы; эмотивность.

Махмудов Хаджимурат Ахмадуевич

Дагестанский государственный педагогический университет
dgpu@mail.ru

ВОЗМОЖНОСТЬ СИСТЕМАТИЗАЦИИ И НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АВАРСКИХ ПЕЙОРАТИВНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ (В СОПОСТАВЛЕНИИ С РУССКИМ ЯЗЫКОМ) ©

Негативные образы тесно связаны с абстрактным мышлением человека. В процессе своего использования в языке пейоративы абстрагируются от множества свойств предмета номинации с целью выделения существенного признака. Часто абстракцию понимают как синоним «мысленного», «понятийного», в противоположность

чувственно-созерцаемому, наглядно-данному. Однако абстракцией может быть не только понятие, не только мысленное отвлечение, но и чувственно-наглядный образ (например, геометрический чертеж, схема или произведения так называемой абстрактной живописи) [9, с. 76].

Касательно аварского языка, причиной существования пейоративной коннотации и, как следствие, пейоративных конструкций является примитивная чувственная абстракция. В случае пейоративов в процессе номинации он отвлекается от одних свойств денотата, выделяя при этом другие его свойства или качества, которые являются объектом уничтожения и порицания.

Рассматривая аварские фразеологические единицы с пейоративной коннотацией, нами было принято решение денотативно разделить их на два типа:

1) те, которые подразумевают оперирование абстракциями (абстрактные):

тохлъукъего хвезе – упасть духом, *лъиклъалъе гуро* – не к добру,

иши лъуглана – пиши пропало, *язихъаб яшав* – жалкое существование [1];

2) те, которые имеют дело с конкретными объектами и процессами (материальные): *къадал гладын кьерги тлун* – лица нет, *бишун унтулеб баклалда хлунсизе* – наступить на мозоль, *тлун гьодобе аяб* – ни дна ни покрывки, *къвачла баччизе* – сматывать удочки [Там же].

Разделение обусловлено тем, что оно позволит более точно дифференцировать этимологию, семантику пейоративов. Так как пейоративы не являются ругательствами (которые денотативно обозначают материальные объекты), такая классификация вполне оправдана. Представляет научный интерес и тот факт, что говорящий в зависимости от ситуации и своего отношения к объекту уничтожения может соотносить его не только с конкретными объектами окружающего мира, но и с некими отвлеченными понятиями, прототипами (хранящимися в памяти образами). Соотнесение с абстракциями также может быть крайним, бесповоротным общественным порицанием, как в случае соотнесения с материальными предметами. Для примера приведем следующее предложение:

(1) *Хварав эмен раклалде цай цоларев дуда гъанже: гъес дуге глакълу къелаан. – Гъес дие лъимги чедги гуро го кьолеб вуклинчо. (Гъес дун вакъуца хвезавизе толеб вуклана)* [7, с. 216]. / Вспомнил бы ты своего покойного отца, он давал тебе в свое время хорошие советы. – В свое время он давал мне только хлеб и воду (В свое время он давал мне вволю поголодать). (Здесь и далее перевод автора – М. Х.)

Мы привели два фразеологизма, по своему выражающих одни и те же эмоции автора послания. В одном случае отношение проявляется посредством материального пейоратива: *Лъимги чедги гуро го кьечлого тезе* – держать на хлебе и воде; в другом случае посредством абстрактного выражения: *Вакъуца хвезавизе* – морить голодом.

В первом случае говорящий указывает на то, что в детстве ему часто приходилось обходиться в качестве пищи хлебом и водой. Во втором же случае мы имеем дело с безапелляционностью суждения, говорящий прямо указывает на то, что его морили голодом, то есть оставляли без пищи вообще.

С. В. Лескина [3] в своей научной работе основным принципом анализа пейоративных единиц определяет добавочный принцип эмотивности, выделяя полисемичные и моносемичные пейоративы и определяя степень соотнесенности эмосемы значения компонентов пейоративных фразеологических единиц с эмосемой содержания всей фразеологической структуры. Однако возникает вопрос, возможно ли такое отличие эмосем в исходных лексемах аварского языка и градация значений в паре «фразеологическая единица – фразеологическая структура».

М. И. Магомедов и А. Ф. Мирошникова, исследуя производные единицы аварского языка в своей работе, отмечают некоторые отношения между формой и содержанием, которые можно наблюдать в парах «производящее – производное». В особенности они выделяют различия между формой и содержанием производных слов, обладающих оценочным компонентом значения. Производящее слово стилистически нейтрально, а экспрессивное словообразование относит производное слово к стилистически окрашенной лексике (разговорная речь) [4]. Предположим, что подобное явление также имеет свою аналогию и в случае с пейоративными фразеологизмами. Чтобы подтвердить наше предположение, приведем примеры.

Аварские лексемы «*гунзари*» и «*хъабахъ*» переводятся на русский язык как «тыква», но в аварском языке данные лексемы могут употребляться как пейоративы в значении «пустая голова», «голова садовая» (этимологически это связано с тем, что тыква внутри полая); *хлехъ* – пень, употребляется в качестве пейоратива как неотёсанный человек, олух царя небесного и т.д.; также в виде конструкций *гъале унго-унгояв хлехъ* – вот уж настоящий чурбан, *хлехъ гладын члезе* – стоять истуканом; *чоло* – веревка, *квасул чоло гладын* – быть как веревка из шерсти, то есть быть без стержня, бесхребетным. *Хлама* – осёл; *бацлие бухъараб хлама гладын* – сидеть сложа руки, смиренно ожидать своей участи; *дур кларкъабазул члахлъи щиб, яхл гьечлеб хлама!* – какие же упитанные щёки твои, осёл ты бессовестный (*упитанность щёк аварцы считают признаком недобропорядочного человека*); *квяхлала хлама* – лентяй, лодырь, бездельник [6].

Все примеры, будучи эмотивно нейтральными лексемами, при включении их во фразеологические единицы, приобретают негативно-оценочную коннотацию. Это подтверждает наше предположение.

С одной стороны, классификация пейоративов по принципу полисемичности позволила бы узнать степень автономности фразеологизмов в процессе выражения эмоций. С другой стороны, анализ пейоративных фразеологизмов был бы неполным без исследования самого характера эмоций. Ведь во многих случаях лексические знаки, не обладающие негативно-оценочной коннотацией, приобретают ее в речи носителей языка, либо будучи включенными во фразеологические единицы, либо просто благодаря контексту или иронии.

Что касается эмоций, количество видов отрицательных эмоций, обнаруживаемых у человека, в несколько раз превышает количество видов положительных [9, с. 19]. Польский психолог Ян Рейковский, рассматривая негативные эмоции, определяет основные из них – страх, враждебность, расстроенное состояние, раздражение, вина, стыд, отчаяние, гнев. Логично предположить, что данные чувства рождаются на основе негативного настроения и негативного мировосприятия. Рейковский подчеркивает, что пусковым моментом для негативных эмоций является недовольство окружающим миром, его неприятие [Там же, с. 21]. Предположительно, в случае пейоративов данные недовольство и неприятие трансформируются в негативную оценочность, и уже в речи носителя языка приобретают пейоративную коннотацию. Таким образом, пейоративные фразеологизмы в речи одновременно выполняют три задачи:

- 1) выражают негативное состояние автора;
- 2) передают его негативно-оценочное отношение к человеку;
- 3) оказывают негативное воздействие на человека.

Задействование пейоративных конструкций в речи обусловлено актуализацией психологической закономерности к порождению все новых эмоций, которые нуждаются в языковом выражении. По мнению С. В. Ионовой, анализ эмотивных особенностей текста позволяет выявить основные функции эмотивности [2, с. 184]. С точки зрения соотношения эмоциональной и рациональной информации, эмотивность в тексте может выполнять дублирующую (дублирование рациональной информации), компенсирующую (восполнение недостающей рациональной информации) и замещающую (составлять основное содержание текста) функции. С точки зрения решения прагматических задач в тексте, эмотивность может служить для выражения эмоционального состояния автора, для передачи его эмоционального отношения к чему-либо, для оказания эмоционального воздействия на адресата [Там же]. Данное эмоциональное воздействие демонстрируется в следующем примере:

(2) *Бартыян цIарги лъун, хIамида гIарцул кыли лъолецин гъечIиц нуж* [6]? / Вы мало того что называете осла скакуном, еще и серебряное седло надеть на него хотите?

Из примера видно, что автор послания обращается к некоей аудитории, которая принимает желаемое за действительное. Бывает, что человек сильно желает чего-то, часто об этом думает и, в конце концов, ему начинает это казаться правдой. Разубедить его в этом бывает очень непросто. Для наглядности автор использует устойчивое выражение *бартыян цIарги лъун, хIамида гIарцул кыли лъезе* (то есть употреблять двойные стандарты, подменять понятия), чтобы придать красочность своему повествованию и наиболее точно характеризовать степень заблуждения окружающих. Употребление материальных (имеющих дело с конкретными объектами) пейоративов усиливает эффект наглядности. Яркие примеры употребления материальных пейоративов можно встретить у Расула Гамзатова в его книге «Мой Дагестан»:

(3) *Хириял издателал, дида нуж ричIчула, нужее бигъаяб гъечIо, «жиндир тIехъ гъав цоясулалдаса кве-шабиц бугебан» цояв, «гъудуласул бахъараб, дир цай бахъуларебан» цогиял – Гемеписезе хIамулги къва-ригIун руго, къадруги бокъун буго* [8, с. 378]. / Уважаемые издатели, я вас понимаю. Вам самим нелегко. Одни убеждают вас, что их книга лучше других. Другим не нравится, что вы печатаете только своих друзей. Про таких говорят – и осел нужен, и авторитет терять не хочется.

В своем послании издателям Расул Гамзатов повествует о писателях, которым необходимо выпустить в свет книгу и вместе с тем заработать авторитет в среде литераторов Дагестана. Однако в ПФЕ сначала полностью, потом сокращенно проводится параллель между такими понятиями как «осёл» и «авторитет». Зажиточные горцы, которые пользовались авторитетом в обществе, имели в распоряжении вьючных лошадей, редко мулов и быков для перевозки грузов, и ездили на лошадях. Горская беднота же в качестве средства перевозки грузов и для передвижения использовала ослов. Имеется в виду, что появление на людях верхом на осле являлось неподобающим для аварцев, придерживавшихся в свое время горского этикета.

Рассмотрим еще пример:

(4) *Росдал годекIанир ганчIал хинлъызарулел харбида рукIана цIигъулдерил жамагIаталгул цо-цоял. Дун, саламги къун, цвана гъезухъе ва гъелгун гIодов чIана. Хабар хур-хералгул, гъутан-мегIералгул, унтарал-шокъазул хIакъальгъ букIана* [Там же, с. 68]. / Сельчане вели принужденный разговор, грея камни сельского годекана. Я, поздоровавшись, присел рядом с ними. Разговор был о том о сём, о сёлах-горах, о здравствующих и ушедших.

Пейоративный фразеологизм *росдал годекIанир ганчIал хинлъызаризе* обозначает «бездельничать, бить баклуши; играть в бирюльки (букв. камни греть на годекане – центральной площади у народов Кавказа, это также место общинного схода)». Смысл его использования в том, что человек (который характеризуется данной ПФЕ) не делает ничего полезного, кроме как согревает своей «пятой точкой» камни. В основном высказывается с неодобрением, презрением. Сам пейоратив восходит своими корнями к особенности сельских годеканов. Так как многие селения строились на голых скалах, то и материалом для скамьи годекана служил камень. Можно говорить о том, что в образе пейоратива до нас дошла одна из архитектурных особенностей горных селений.

А здесь Расул Гамзатов дает краткую характеристику нынешнего поколения:

(5) *Гъел ракI бецIал, ракI гIинкъал* [8]. / Гемер руго ракъалда. Смотрят – но не видят, слушают – но не слышат – таких сейчас много.

РакI бецIал, ракI гIинкъал можно толковать по-разному. Это может быть и серая масса, и люди без искры, в общем понимании – посредственные личности, либо безразличные и глухие ко всему, с ограниченным умом, бесталанные люди (букв. «те, у кого сердца слепы и глухи»). Сердце в аварском языке занимает особое место, так как обозначает не только жизненно-важный орган, но и такие фундаментальные понятия для любой языковой картины мира, как душа и разум. Рассматриваемый аварский фразеологический пейоратив

восходит к древнейшей мифологической форме осознания мира – анимистической – к олицетворению неживого. Сердце внезапно обретает такие человеческие свойства, как слух и зрение. В основе данного образа лежит аналогия «сердце – человек». Основа образа базируется на первостепенных архетипических оппозициях: «слух – глухота», «зрение – слепота», а также на связанном с ними противопоставлении.

Такого рода аналогии и оппозиции, являясь фундаментальными в своем роде, послужили причиной множества устойчивых выражений в аварском языке с такими компонентами, как «глаз», «язык», «голова», «сердце». Данным соматизмам посвящены многие исследования. Так, С. И. Магомедова в своей работе [5] определяет возможные схождения и расхождения в использовании соматизмов и соматической фразеологии в создании аварской языковой картины мира.

В следующем примере Расул Гамзатов, наоборот, сравнивает живого человека с объектом неживой природы:

(6) *Амма наслабаца Марьям цIехейгун,
МахIмудил гурони цIар рехсоларо.
Заманабаз гъезул къиса цIехейгун,
Къебедил МахIамад – къеда цо чIимих [8]. /
Марьям и Махмуд – эти имени два,
Навеки связала людская молва.
И песни Махмуда поныне поют,
А Кебед-Магома – постылый супруг.*

Данный пример, отображает отношение одного человека к другому, и хотя на первый взгляд, отношение можно характеризовать как нейтральное, благодаря такому стилистическому средству как сравнение, оно переходит в уничижительную категорию, дифференцируя отношение говорящего как негативно-оценочное. Особую роль играет то, с чем сравнивается человек, – *къеда цо чIимих* – адекватный перевод определяет данное выражение как *постылый супруг*. Дословный перевод – *один камушек в стене*, то есть нечто незначительное, ничтожное, не стоящее внимания. Таким образом, мы имеем сравнение даже не с самим предметом, а с его маленькой частью. Это усиливает уничижительный характер послания. Схожий эффект наблюдаем в следующем примере:

(7) *Муни гъой, гъевги рачI [7, с. 175]. / Ты пес, а он твой хвост.*

В рассматриваемом случае уничижению подвергаются двое людей – это видно по тому, как говорящий их характеризует. Одного сравнивает с псом, а его неотъемлемого спутника с хвостом. В примере мы можем также наблюдать использование градации в аварском языке, для усиления эффекта уничижения.

В завершение этой статьи хотелось бы сделать следующее утверждение. Вопреки тому факту, что пейоративные выражения в аварском языке ранее не были изучены, в настоящее время уже можно говорить о формировании вполне определенных черт негативно-оценочной коннотации аварского языка. Категория пейоративности в аварской речи имеет ряд своих особенностей, что дает почву для систематизирования и дальнейших исследований.

Список литературы

1. Гимбатов М. М. Аварско-русский словарь: около 36 000 слов. Махачкала: ДНЦ РАН, 2006. 1656 с.
2. Ионова С. В. Эмотивность текста как лингвистическая проблема: дисс. ... к. филол. н. Волгоград, 1998. 197 с.
3. Лескина С. В. Категория пейоративности в русском и английском языках (на материале фразеологических единиц): дисс. ... д. филол. н. Челябинск, 2010. 447 с.
4. Магомедов М. И., Мирошникова А. Ф. Экспрессивное словообразование в аварском языке [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eva.mpg.de/lingua/conference/07-CaucasusConference/pdf/final%20abstracs%20Russian/MagomedovMiroshnikovaAbstract.pdf> (дата обращения: 13.04.2014).
5. Магомедова С. И. Соматизмы «глаз», «сердце», «голова» в объективации картины мира: на материале аварского и арабского языков: дисс. ... к. филол. н. Махачкала, 2009. 176 с.
6. Магомедханов М. М. Аварско-русский фразеологический словарь: 3000 единиц. Махачкала, 1993. 406 с.
7. Магомедханов М. М. Русско-аварский фразеологический словарь: 1500 единиц. М.: *Academia*, 2007. 338 с.
8. Магомедханов М. М. Словарь устойчивых словосочетаний языка Расула Гамзатова: 2000 единиц. Махачкала, 2012. 445 с.
9. Рейковский Я. Экспериментальная психология эмоций. М., 1979. 79 с.

THE POSSIBILITY OF SYSTEMATIZATION AND SOME PECULIARITIES OF AVARIAN PEJORATIVE EXPRESSIONS (IN COMPARISON WITH THE RUSSIAN LANGUAGE)

Makhmudov Khadzhimurat Akhmaduevich
Daghestan State Pedagogical University
dgpu@mail.ru

In the article the Avarian pejoratives from the view of the possibility of their classification-systematization are considered. The point of view according to which the use of pejorative constructions in speech is conditioned by the actualization of psychological regularity to the generation of new emotions which need to be expressed by words is under study. The author supposes that there is a possibility to distinguish emotional semes in original lexemes of the Avarian language and the gradation of meanings in the pair "phraseological unit – phraseological structure". The cases of acquisition of negative-valuation connotation by emotive neutral lexemes when they are included into phraseological units are examined.

Key words and phrases: comparative-contrastive linguistics; negative valuating; pejoratives; phraseological units; emotiveness.